

Алия Кенесарина
Девушка-солнце

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алия Кенесарина

Девушка-солнце

<https://litres.ru/57483876>

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-04287-2

Аннотация

Он украл солнце его жизни. Он крадёт жизни дальше. Имя ему кукловод. Мистический триллер "Девушка-солнце" погружает в тревожную атмосферу жестокого противостояния! Кайсар поклялся найти убийцу своей любимой, но он даже не представляет, что ждёт его впереди...

Содержит нецензурную брань.

Алия Кенесарина

Девушка-солнце

Пролог

Боль царапалась изнутри, кусалась воспоминаниями, грызла подозрениями. Мог бы я что-то изменить, если бы пошёл за ней? Я не знаю, но мне хочется себя обвинять. Если бы я остался с ней, то прошла бы смерть мимо или притаилась бы за углом, а потом нанесла удар, когда она осталась одна? Что за шорох был за моей спиной?! Крадущиеся шаги или просто сквозняк, гуляющий по длинным школьным коридорам.

Сомнения роились, жужжали внутри моей головы, а я хотел только одного...

Но время не повернуть вспять, а тот день не прожить заново...

Глава 1

/завтра не наступит/

Я так долго ждал, чтобы узнать её последние слова. Или я хотел думать, что близкий мне человек перед лицом смерти думал именно обо мне. Может быть, так я пытался заглушить чувство вины. Или просто боялся погружаться на опасную глубину, цепляясь за свои раздумья о том, что она могла чувствовать в последние мгновения своей жизни. Я страшился даже на секунду представить себе, что творилось

с моей возлюбленной в тот момент, когда она поняла, что над ней, медленно спускаясь с небес, распростёр свои крылья ангел смерти.

«Не вини себя». Тихое, скорбное, неотвратное. Всего три слова, но они резали словно острозаточенный клинок. Это было то, что девушка-солнце написала на листке бумаги и оставила в месте, где её держал похититель. Точнее, где её держал убийца.

Бескорыстие, самоотверженность – всё это синонимы её прекрасной души. И даже здесь в месте, где она провела долгих двадцать восемь дней заточения, она думала обо мне. «Не вини себя». Как глубоко, как больно эти слова врезались в моё сердце, кипели в моём сознании, плавилась где-то внутри, и я тогда уже знал, что никогда не буду прежним. Никогда не вернусь из страшного прошлого, где умерла моя любовь.

Девушка-солнце, так все её называли.

И теперь, наверное, навсегда страшные сны будут вырывать меня посреди ночи из пустой постели и гнать к окошку, чтобы я тупо пялился во тьму, а в моей голове билась одна-единственная мысль о том, что я был последним человеком, кто видел девушку-солнце перед похищением. Теперь я совершенно точно это знаю. Но никто до сих пор не знает, кто справился с ней. Потому что убийца ещё не найден.

Я был в неё влюблён. Солнце приходило вместе с ней, когда она появлялась, растекалось теплом по моему лицу,

когда она улыбалась и жизнь была простым и беззаботным праздником. Тогда самым трудным казалось не сдать экзамен по истории, а самым неприятным – неодобрительный взгляд отца.

В тот день я зашёл в класс, и солнце забежало за тучку. Моя возлюбленная сидела на парте, весело болтала с моим лучшим другом, и в моём сердце проросла ревность. Они словно парили в какой-то своей особой атмосфере, шептались, смеялись. Вот и сейчас девушка-солнце тихо уронила слова, а он склонился к её уху, от его дыхания чуть качнулись шёлковые чёрные пряди её волос, и ответил ей. А потом она рассыпала в воздухе искрящуюся мелодию своего смеха. Но сейчас он принадлежал другому и больно скрёб меня по сердцу.

– Прямо идиллия. – буркнул я, проходя мимо них.

А в голове, в этом котле ревности, варились совсем другие мысли. Мне казалось, что её улыбка должна принадлежать только мне, а не быть лучезарным светом для всех. Но ещё я тогда подумал, что солнце нельзя украсть, и оно всегда будет светить для всех. Оказалось, я ошибался. А до её похищения оставались считанные минуты.

Я помню, она остановила меня, когда все разошлись из класса и, немного подумав, подняла глаза и проговорила:

– Могу я тебе кое-что рассказать?

Её тон был серьёзен, лицо хранило странный испуг и печаль, а рот обрамляла скорбная мимика. Но всё это заслонял

её недавний игривый разговор с моим другом, и я всем своим видом пытался показать свою наигранную холодность. Я даже не удостоил её ответа, я просто кивнул.

– Мне кажется, что за мной кто-то следит. – тихо сказала она и как-то затравленно посмотрела в мою сторону. – Понимаешь, я заметила, что кто-то уже очень долгое время преследует меня.

Она винила себя, что побеспокоила меня своими измышлениями. Это скользило во всём. В том, как она прикусила губу, во взгляде, уроненном на пол, в её неловких движениях. Она всегда больше думала о других и боялась попросить о себе.

И теперь я живу с мыслью, что я просто позволил убийце забрать её. Я словно разрешил ему, потому что на тот момент я тешил своё эго ревностью. В тот самый момент, когда она пришла ко мне за помощью. Я до сих пор помню гаденький смешок, который у меня вырвался.

– А, ну да, конечно. А мне кажется, что ты слишком высокого мнения о себе. – я напустил на себя равнодушный вид. – Вот же блин. Если девушка хороша собой, то ей сразу хочется думать, что за ней кто-то следит.

– Нет же. – она снова просительно посмотрела на меня.

Тогда я подумал, что это каприз, но сейчас по прошествии времени её образ всё ещё стоит перед моими глазами. Девушка–солнце пришла ко мне за помощью, а я просто посмеялся над ней. Тогда её эмоции на какую-то секунду ожили.

Здесь было всё! Бунт, разочарование, обида, горькое удивление. Но потом всё потухло, сломалось о моё равнодушие, и она тихо обронила.

– Прости, что я побеспокоила тебя. Наверное, ты прав. – девушка-солнце приклеила к своему лицу улыбку и наигранно бодро произнесла. – Ну ладно. Тебе пора. А мне ещё нужно отнести журнал классному руководителю. – она прошла несколько шагов по направлению к столу классухи и остановилась.

Девушка-солнце обернулась, я снова увидел её настоящую улыбку, она в последний раз осветила тёмный путь моей дальнейшей жизни.

– Увидимся. – как-то наигранно небрежно, с запинкой сказала она.

И именно это слово было последнее, которое я от неё слышал. Но я упорно продолжаю считать, что в ту записку она завернула своё прощение и написала для меня «не вини себя». Если я буду думать по-другому, то сойду с ума от горя и не найду убийцу. Но я ей обещал!

– Да, да. Пожалуй, я пошёл.

Я тогда торопился, потому что внутренне готов был её простить, рассмеяться и пойти провожать домой, есть мороженое и болтать. Но я предпочёл и дальше лелеять свои раненые чувства, и моё эго хотело чуть дольше помучить девушку-солнце.

И теперь этот момент снова и снова прокручивался в моей

голове. Я вспоминал его до мельчайших подробностей, сейчас я даже видел, как в столпе солнечного света летает пыль по классу и слышал, как за окном галдит расходящаяся по домам малышня. Тогда всё это было фоном, но сейчас я брожу по пустым коридорам памяти. Я всё ещё надеюсь увидеть или услышать убийцу, потому что теперь я точно знаю, что тогда он был уже близко.

Я даже помню звук его шагов. Когда я уходил, то услышал чьи-то шаги. Это было, конечно, странно, в этом крыле уже никого не должно было быть. Но я мысленно себя успокоил и даже побранился, потому что подумал, что поддался странному испугу девушки-солнце.

– Да уборщица это.

Так я убедил себя, произнеся слова вслух и пошёл дальше.

Какая-то непонятная сила тянула меня назад, дрожью металась по моему телу, дула в затылок холодом и шептала внутри моей головы: «Вернись! Проверь!». Но я пошёл дальше.

Да и что могло случиться?! На улице буйно цвела весна, впереди была целая жизнь, а на завтра я планировал пригласить девушку-солнце погулять после школы. В конце концов, я не собирался так надолго оставлять её в одиночестве.

Я помню, что когда был на лестнице, то услышал тихий возглас и глухой стук. Но я проигнорировал это. И хотя тот стук напоминал удар, я успокоил себя тем, что, скорее всего, она просто уронила журнал или ещё что-то.

– Тоже мне мисс идеальность. – буркнул я и побежал дальше. – Зато у неё ловко получается быть любезной со всеми.

Обида снова цапнула меня изнутри, и я ускорился, придумывая про себя небылицы о девушке-солнце.

В три часа ночи раздался звонок. Я чётко помню, что было три часа, потому что телефон стоял на вибрации и от звука вызова дополз по глянцевой поверхности тумбочки и упал мне на лицо. Мне было больно! Я был зол! Я вскочил! Схватил телефон и гаркнул:

– Чего тебе на хрен надо, кем бы ты ни был... – я не успел договорить.

До меня донёсся её скорый шёпот, я услышал её имя, неясно разобрал следующее слово и связь прервалась. Сейчас я думаю. Последнее что она мне сказала – это было её имя. Точнее, то что я услышал. Вот поэтому я почти никогда его больше не вспоминаю. Такое имя есть у многих, а она навсегда останется для меня девушкой-солнце.

Этот звонок, скорее был её последней связью со мной, с миром, с жизнью. Она пропала. Её больше никто не видел. Классный журнал нашли на месте, где я оставил её. Она так и не отнесла его учителю.

На следующий день все были обеспокоены странным исчезновением. Её брат бегал по школе, по друзьям, в воздухе повисло общее оцепенение, потому что никто не знал что делать. Девушка-солнце была не из тех, кто сбегает из дома или может запросто не явиться вовремя. К вечеру следую-

щего дня мы все были на грани нервного срыва. А я постоянно чувствовал холод, тот самый цепкий коготь холода, который загарпунил меня ещё в школе на лестнице. Он и сейчас со мной. С тех пор мне всегда холодно, словно я лежу с девушкой-солнце рядом в мире мёртвых, а мой разум мечется по земле и ищет её убийцу.

Я помню, как отозвал её брата в сторону и пересказал наш с ней последний разговор. Он стоял и молча смотрел на меня, а потом просто развернулся и ушёл. Потом снова вернулся и так продолжалось несколько минут, пока он не вызвал полицию.

Потом я поведал им о нашей встрече и о том, что слышал. Они сразу проверили камеры наблюдения в школе, но было чётко видно, что здание она не покидала. Она просто исчезла, растворилась как солнечный свет в непроглядной тьме ночи.

«Мне кажется, что за мной кто-то следит...». Теперь она часто приходит ко мне во снах и говорит, говорит, говорит одну и ту же фразу. Или это я зову её, чтобы никогда не забывать о том дне. Потому что я с ужасом думаю, что однажды так же равнодушно уйду, как сделал это в тот день. «Помоги. Помоги мне...». Мне часто слышится её голос.

Полиция тщетно искала её несколько недель. А потом кто-то из горожан наткнулся на тело на берегу реки. Наверное, эти люди никогда не забудут страшную картинку. Прогулка, смех, радость и мёртвое тело.

В тот момент, когда её брату позвонили, мы были вместе и сразу помчались на опознание. Всю дорогу мы оба мысленно молились, чтобы это была не она. Но наши молитвы были бесполезны. Я, конечно, не должен был идти в морг, но её брат на пороге сломался. Он просто не смог пройти дальше, он остановился, медленно повернулся ко мне и вцепился в мои плечи.

– Там же не она? Иди, посмотри и скажи им, что это не она. Пусть ищут дальше. И мы пойдём искать, это правильно. Это верно. Я ещё на вечер с ребятами договорюсь, будем искать у реки. Это знак.

Я видел, как он впадает в странное безумие. Он тряс меня, брызгал слюной, бормотал что-то. Проходившие мимо сотрудники морга и полицейские не выглядели удивлёнными, им приходилось видеть такие сцены каждый день. Никто не хотел открывать горю створки своей души.

Я медленно вошёл в здание, остановился на пороге, потому что очень хотелось уйти и поручить эту страшную работу кому-то другому. Но я пошёл дальше.

– Простите. – тихо спросил я у проходящего мимо. – Там, это, – я путался в словах, не зная, как сказать о том, что пришёл опознать девушку-солнце, – мне надо посмотреть. Ну, одноклассницу у реки нашли.

– А что больше некому? Ты кто? – вынырнул из бокового кабинета мужчина и удивлённо воззрился на меня. – Я оперативный сотрудник, я ждал кого-нибудь из родственников.

– Там брат её. – я кивнул себе за плечо в сторону входной двери. – Ну, там... он не может. – косноязычно я пытался хоть что-то объяснить.

– Да покажи ты. – вмешался сотрудник морга в мятом халате. – Там и правда всё плохо, я видел, он на улице. Я туда даже наших попросил с каплями сходить.

– Так. А ты кто? – полицейский посмотрел на меня.

– Я, – в этот момент я понял, что не знал, как определить наши отношения, – я друг семьи.

Я до сих пор помню звук своих шагов по кафельному полу. Я шёл и мне казалось, что ноги стали свинцовыми, они не слушались, хотели бежать обратно, как и тогда, когда я уходил и оставлял её на погибель. И вот я зашёл.

Труп девушки-солнце давно остыл. Сейчас она лежала мраморным изваянием с застывшим каменным лицом, словно какой-то манекен. Больше не было моей девушки-солнца, осталась только оболочка. Станным было то, что у неё были мокрые волосы, а ещё они были обрезаны. В этот момент, когда я смотрел на короткие пряди, что-то воткнулось в моё сердце, сломалось там и упало, навсегда оставив кровоточащую рану. Потом я понял, что тогда я с ней попрощался, даже сам того не подозревая. Я просто понял, что она умерла. Она больше никогда не взглянет на меня, никогда ничего не скажет, никогда я не увижу её бездонных глаз, никогда...

Сейчас уже были только факты! На шее были синяки от верёвки, наверное, её душили или повесили, но я где-то чи-

тал, что следы должны были быть разными. Дальше я мало что помню. Я просто вышел, кивнул из последних сил полицейскому и побежал на улицу. Я корчился на земле за зданием морга, меня выворачивало наизнанку, я почти не мог дышать... Позже, когда я немного пришёл в себя, я поклялся, что найду того, кто украл солнце из моей жизни.

Глава 2

/прошлое – это уродливое отражение настоящего/

Сегодня я проснулся, чувствуя на губах привкус лета, в моей голове звенел смех девушки-солнце, и я вспомнил, как одним летним днём она гостила со всей семьёй у нас. Наши родители дружили, сколько я себя помню. Мы всегда были не разлей вода, я, девушка-солнце и её брат Асан. Но потом я стал замечать в девушке-солнце расцвет женственности, она была словно бутон чайной розы, которая на рассвете, умытая каплями росы, лепесток за лепестком открывает свою красоту миру.

Я машинально ел завтрак и вспоминал, как мы носились по дорогам, ели мороженое, как девушка-солнце исполняла вместо меня тяжёлую обязанность – играла в куклы с моей маленькой сестрёнкой. Как по вечерам мы бегали купаться на реку...

Чашка дрогнула в моей руке, горло сдавил спазм памяти, я больше не ходил на реку, ведь именно там обрела свой последний покой девушка-солнце. Обрету ли я когда-нибудь покой. Заслужил ли я его или эта трагедия навсегда выжгла

его из моей души...

Суетный день немного подвинул тяжёлый груз моих воспоминаний, но, когда опустился вечер, я снова окунулся в тот день, который почему-то сегодня особенно ярко отразился в ретроспективе моего прошлого. Я помню, что под вечер стояла удушающая жара, и мы, нагулявшись с утра до самых сумерек, сидели дома. Взрослые варились в мареве скучных, на наш взгляд, разговоров, а мы уже переиграли во все игры, и я, устав от мятого влажного воздуха, сказал:

– Пойдём купаемся?

Моя сестрёнка Асель сразу же собрала все свои игрушки и устроилась на бортике бассейна, а потом сказала громким повелительным тоном:

– Асан, ты обещал, что будешь со мной играть. Так что сейчас ты можешь искупнуться, а потом плыви сюда, и мы будем купать кукол. Им тоже жарко.

Сначала мы все застыли в удивлении, а потом заулыбались и послушались шестилетнего ребёнка. Детская непосредственность моей сестрёнки всегда сначала всех озадачивала, а потом умиляла. Хотя на тот момент я и девушка-солнце были ненамного старше Асель, нам было по девять, а Асану четырнадцать.

Мы весело поплескались в бассейне, тёплая вода бодрила, смывала дневной зной, уносила прочь вялость. И Асан послушно пошёл помогать в купании длинной вереницы пластиковых кукол. А мы с девушкой-солнце выбрались с дру-

гой стороны чаши бассейна и побрели по тропинкам сада. Мокрую кожу приятно охлаждал ветер, а моя спутница словно была одета в лунный свет. Я помню, тогда подумал, что забавно звучит «солнце, одетое в платье из лунного света».

Вскоре мы вернулись к бассейну, но задержались на поляне. Отсюда были виден дом, доносился тихий говор родителей, было слышно, как сестрёнка раздаёт чёткие указания Асану.

Девушка-солнце вдруг опустилась прямо на траву, легла на спину и сказала:

– Ложись рядом, будем летать среди звёзд.

Я прилёг в некотором отдалении от неё, колкая трава иголочками обожгла кожу, меня пробил озноб, и в тот момент я понял, что для меня больше не существует подружки девушки-солнце, я совершенно точно был влюблён.

– Смотри какое небо. Я обнимаю весь космос. – раскидывая руки в стороны, проговорила моя возлюбленная.

Я старательно пялился в небо, чтобы не смотреть на неё, потому что мне казалось если я взгляну в её сторону, она сразу всё поймёт. Мне вообще казалось, что она всегда всё понимает без слов! Девушка-солнце всегда была какой-то взрослой и сейчас меня царапнула мысль, что она точно чувствовала, что с ней произойдёт и торопилась жить.

Я и сейчас чувствовал то, что происходило со мной в тот вечер. Между нами вдруг разверзлась целая пропасть, когда девчонка, лежащая рядом, перестала быть другом и ста-

ла любимой. Она стала недостижимой, загадочной, ждущей своего завоевателя и в то же время была родной и близкой. Вы скажете дети не умеют любить? Я отвечу, что любовь в таком возрасте самая чистая, не замутнённая страстью и...

Сейчас я третий час лежал без сна, тревожил свою память воспоминаниями, болезненно ковырялся в них, а сердце сжимала стальная рука тоски. С одной стороны, мне надоело это слово «память, воспоминания», с другой – это было самое ценное, что у меня осталось.

В открытое окно залетел сладковатый аромат выпечки. «Как-то нелепо печь в такое время. Ночь на дворе.» – Подумал я, но сразу же вернулся в тот вечер, когда мы с девушкой-солнце лежали на траве и обнимали космос, и я услышал мамин голос:

– Дети, идите кушать.

Нам накрыли поздний ужин на веранде перед домом. Здесь прогуливался тёплый ветер, пришёл Асан, совершенно измученный энтузиазмом моей сестры, пришла девушка-солнце, которая бегала переодеться после купания.

Стол, как всегда был ярким, нарядным. Лежали сочные фрукты, мама напекла необыкновенное хрустящее печенье по новому рецепту, в большой тарелке лежали мои любимые (здесь можно указать какое-то национальное блюдо). Мы ели, болтали, веселились. Потом я прислушался к разговору взрослых. Родители говорили о грустном. О теракте в какой-то другой стране и о том, как много народу погибло. И

тогда моё сердце первый раз тревожно съёжилось, я глянул в сторону девушки-солнце и подумал, о том, что хорошо, когда она со мной, значит, она в безопасности. А для тех людей завтра не наступит никогда. Сейчас я понимаю, что завтра тогда не наступило и для тех, кто их любил.

Девушка-солнце, видимо, тоже услышала, о чём говорят в доме и шутливо пихнула меня в бок рукой:

– Эй, не грусти. Я вот верю, что на всё есть причина. А если есть основание для действия, значит в итоге всё будет хорошо. И вообще, я верю в высший разум и доверяю Вселенной!

Я уже говорил, что она была мудра не по годам.

– Почему же тогда ты плачешь? – спросил я, видя, как в слезинках на её ресницах отражается полная луна.

– Не знаю. – она пожалала худенькими плечиками. – Мне почему-то грустно. С одной стороны, думаешь, что должно быть всё хорошо, а вот здесь беспокойно. – она приложила руку к груди. – И всё это вызывает какую-то бурю эмоций.

Сейчас, будучи уже взрослым, я вспоминаю её слова и пытаюсь поверить в её логику и убеждения, но я не могу с ними согласиться. Какая могла быть причина для такой ранней смерти? Почему девушка-солнце должна была умереть? Какая могла быть причина у Бога или Вселенной или ещё у кого-то, кто нарисовал её линию жизни такой короткой. Ведь это не пьеса, не сценарий и люди не должны умирать или оставаться жить по задумке автора. В этом мире всё гораздо

сложнее.

Она мечтала стать врачом. Кстати, она об этом объявила тем вечером, о котором я сегодня неустанно вспоминаю. Потом она с таким усердием готовилась, что я даже иногда злился на неё, я планировал поход в кино, а она зубрила учебники или сравнивала учебную программу в университетах. Она строила радужные планы на будущее, хотела спасти людей и всё время металась между специальностями, так смешно огорчалась, что нельзя быть одновременно кардиохирургом, невропатологом и стоматологом. Ей было интересно всё и девушку-солнце всегда огорчала человеческая боль. За что же тебе, моя любовь, выпало такое страдание и слышишь ли ты там на небесах, как я каждый день говорю тебе в своих мыслях то, что не смог сказать вслух?!

Ладно, хватит лирики. Я сел на кровати и глянул на часы, рассвет плескался уже где-то на краю горизонта, а значит, я поспал несколько часов и теперь уже точно не усну. Поэтому можно снова приниматься за работу.

Когда девушку-солнце убили, а полиция никого не нашла, я поставил целью своей жизни поиски, этого... я не знаю, как его называть, но уж точно человеком назвать не могу. Пусть у него будет условное имя «ворующий солнце». Я обещал себе, что не успокоюсь, пока не найду и не покараю его. Я хочу, чтобы память о моей девушке-солнце была такой же светлой, как и она сама.

Я заварил себе кофе, капнул молока, включил настоль-

ную лампочку и снова сел за рабочий стол, где уже лежало несколько пухлых папок с моими рассуждениями и записями. Вся стена была завешана схематичными планами школы и подробными рисунками расположения мебели в школьном кабинете, где я видел её последний раз, и куда пробрался вор, который украл и убил солнце моей жизни.

Полиция искала виновника долго, но всё было тщетно. После это «инцидента», как его один раз назвал кто-то из журналистов, похожих случаев больше не было, и папка с этим делом осела в архиве с тяжёлым клеймом «глухарь». Уже почти все забыли про этот «инцидент», но я не забыл, не забыли её родные и, конечно, не забыл убийца. И поэтому мы с ним обязательно встретимся.

Я знал, что она вела дневник и всегда носила его с собой, и почему-то мне казалось, что именно там я найду разгадку страшной тайны её смерти. Но дневник, должно быть, хранился в вещдоках и путь мне туда был заказан.

Сейчас я открыл тетрадь, крепкий кофе взбодрил полусонный разум, и я начал читать свои скорые заметки, чтобы снова и снова пройти вместе с ней тот путь, по которому она ушла в неизвестность.

Когда я выходил из класса, она отошла от меня, попрощалась и пошла в дальний конец, к столу учителя. Выход из класса был один, никаких дополнительных помещений не было. Ну, конечно, были ещё окна, но этаж-то третий, вряд ли можно было незаметно там войти, а потом выйти. То есть

она должна была видеть того, кто пришёл. А так как он не вызвал у неё подозрения, значит, девушка-солнце его знала. Отсюда следует вывод, что он совершенно точно был рядом, когда я разговаривал с ней и выжидал, когда я уйду.

Сейчас был самый сложный момент, я долгое время боролся с этим рубежом, чтобы без эмоций переступить его и пойти дальше. Обычно в этом месте, когда я понимал всю трагедию той минуты, мне хотелось покончить с собой за эгоизм и бездействие. Но я ей обещал, и на этот раз я не подведу девушку-солнце.

Я пытался донести до полиции свои мысленные выкладки, но усталый следователь лишь печально мотал головой и всё вторил одно и то же слово: «Проверим!». Но этот старый динозавр убедил себя в том, что убийство было спонтанным и дальше никуда не двигался. Он даже подвёл какую-то логическую базу под то, что её не видно на камерах видеонаблюдения и все посчитали удобным с этим согласиться.

Я помню свой юношеский горячий запал, когда я почти кричал на этого следователя с печальными глазами.

– Слушайте, но это же был холодный расчёт. Он пришёл в школу, он следил за ней, он как-то вывел её оттуда, а потом убил. Она мне говорила, что он следил за ней. Она боялась.

– Да? – тихо спросил он. – А у меня есть сведения, что жертва была любезна и улыбочива со всеми и не казалась встревоженной. Может быть, она просто хотела вызвать в тебе ревность?

– О чём вы говорите? – мне хотелось ударить его, так пылал гнев внутри. – Она вела дневник. Посмотрите там, там точно есть что-то об убийце.

– Мы всё внимательно прочли. Нет однозначного вывода, что она была обеспокоена. Обычные подростковые переживания. – следователь вздохнул. – Если бы она сама не вышла из школы добровольно, то её никак не смогли бы увести. Пришлось покрыть большое расстояние, однозначно кто-нибудь бы встретился по дороге и можно было попасть на камеры. Зачем убийце так рисковать? – он помолчал. – Она любила гулять?

– Да. – я покивал в ответ.

– Ведь согласишься, что украсть с прогулки или по дороге из школы её было гораздо легче, чем из школы. Она была отличницей, часто задерживалась и ходила одна. Ведь так?

– Так.

– Зачем тогда убийце так рисковать? У него была бы масса возможностей.

Я не нашёл поддержки в следствии, всё, что он говорил, казалось каким-то логичным, но поверхностным. Я долго собирался с духом и в один из вечеров попросил Асана о встрече.

– Что ты хотел? – спросил брат девушки-солнце, после того как мы обменялись скупым мужским приветствием.

– Ты заметил, что она стала в последнее время какой-то нервной? – спросил я.

– Я думал это из-за предстоящих экзаменов.

– Ты же понимаешь, что у этого ублюдка было всё спланировано. Я был у следователя, но он не слушает меня.

– Но ведь ты тоже её тогда не послушал. – тихо обронил Асан. – Я не обвиняю тебя, я просто говорю, что его недоверие основано на том, что люди всегда считают других глупее себя. – Асан вздохнул. – Прошу тебя, давай ненадолго оставим всё как есть. Мне слишком больно.

«Я не обвиняю тебя». Да было бы лучше, если бы он ударил меня, сказал, что я во всём виноват, что это я допустил её смерть. Но он всего лишь объяснил мне логику следователя.

Но несмотря на глухую оборону следствия и нежелание Асана слушать меня в тот день я завёл свою первую папку, в которую положил первый листок со своими рассуждениями.

Я был абсолютно уверен, что похищение и убийство были спланированы. Если бы это было спонтанно, то наверняка остались бы улики, и убил бы он её в школе. А если было место, где он её держал, то убийца однозначно готовился. Мне было сложно признавать это, но упустить из виду то, что этот ублюдок явно обладал высоким интеллектом, было нельзя. Иначе я сразу бы оказался на проигравшей стороне. А факт, что он сейчас сидит тихо и не высовывается, ничего не значит. Просто выжидает, я много прочёл о том, что такие больные психи никогда не останавливаются.

И он абсолютно точно был с ней знаком. Если бы она уви-

дела чужого человека, то подала бы голос или закричала, когда он к ней приближался. Но всё было тихо, в этом я был уверен. И сейчас меня озарила мысль, что тогда в я услышал стук. Если бы она упала, а не добровольно ушла, то ему пришлось бы её нести, а это было бы крайне подозрительно. Значит, в классе действительно что-то упало. Но она, скорее всего, ушла добровольно.

Утро уже полноправно швырялось светом в бликующие створки окон. Я с сожалением закрыл папку, потому что пора было собираться по делам. Аккуратно прибрал папки, я несколько минут постоял над ними, рассуждая о преступлении и вдруг вспомнил урок литературы, когда нам задавали читать о «Преступлении и наказании». Интересно, а для преступника его преступление – наказание или радость?

Глава 3

/долгий взгляд в бездну/

«Кайсар!» Мне нравилось, как девушка-солнце произносит моё имя. Она немного смягчала первую букву, поднимала интонацию в середине и прокатывала последнюю. Она как-то сказала, что каждое имя имеет своё смысл, соответствует своему значению, даже имеет свой цвет и вкус. Моё имя ей представлялась земляничным леденцом. Не знаю почему и вряд ли теперь это важно. Хотя девушка-солнце говорила, что всё в этой Вселенной живое, и всё, что нас окружает, откликается словно живая материя. Скажешь слово, даже отдельную букву и если прислушаться, то можно ощутить

отклик.

Понятно, что я не верю в это. Раньше я пытался следовать за ней, верить, прислушиваться к своему сердцу и искать смысл жизни. Но это было до того момента, когда этот самый Бог или Вселенная отняли её у меня. Мне всё равно, что обо мне подумают, но теперь, когда моя душа сломана пополам, там нет веры, там только лютый сквозняк.

А девушка-солнце раньше смеялась над моими атеистическими склонностями и говорила:

– А вот я верю, что Бог есть и он един. Каждый выбирает к нему свою дорогу и называет по-своему. Если верить, то всё так и будет. Сила любви и веры непреодолима.

Но это было, когда она была жива и в воздухе ярко рассыпались искры её смеха, счастьем горели глаза...

И сейчас меня удерживает на краю бытия не Бог и не Вселенная, я живу воспоминаниями и крепко держу в руках вожжи мести. Я тащу за собой колесницу гнева, я уже давно запряг в эту повозку свою жизнь.

Когда девушку-солнце убили, я был готов бросить всё и отправиться на поиски губителя, пока не простыл след. Но когда в голове осел туман морока мыслей, я понял, что сейчас бессилен. Следователь всё пялился на меня усталым взглядом и всем своим видом показывал, как сильно я ему надоел. Криминалист просто послал меня куда подальше, когда я полез к нему с расспросами, а в архив с вещдоками, где лежал её дневник, мне вообще путь был заказан. Мне было

семнадцать и по сути, каждый из представителей закона мог меня игнорировать.

Даже судмедэксперт, которому я принёс взятку, наконец выдал мне копию заключения и сказал больше никогда не приходить:

– Эй, постой. – остановил он меня на пороге.

– Да. – я пялился в ксерокопию и быстро скрёб взглядом непонятные слова.

– Что ты хочешь там найти? – мужчина хрустко размял в пальцах сигарету и закурил.

– Ну как? Это, – я замялся, просто потому что не знал, как ему сказать, – я люблю, точнее любил её. Я хотел понять, – лицо моё пошло красными пятнами, я чувствовал, как рдеют щёки, часто бьётся сердце, – он не трогал её, ну в смысле...

– Я понял тебя. – проговорил мужчина, отрицательно покачал седой головой и сказал. – Он не насиловал её. Ты это хотел узнать?

Я согласно покивал и вылетел в коридор. Странное чувство стыда щипало за сердце, мне было невыносимо думать, что я с каким-то человеком сейчас обсуждал такой страшный момент жизни моей возлюбленной. Но вместе с тем я испытал невероятное чувство облегчения.

Почему-то именно эта информация дала мне силы взять себя в руки и сдать экзамены. А после получения аттестата я пришёл домой и решил открыть родителям дальнейшие планы. Вечером я вызвал их на разговор. Сейчас мне нужно бы-

ло быть очень убедительным. В принципе отец рассчитывал, что я со временем возглавлю семейную нефтегазовую компанию, и он точно будет против моего решения.

– Отец, мама, – начал я, когда родители пришли в гостиную, – я хотел бы поговорить о поступлении.

– Да, сынок, – сказала папа, – я как раз хотел поднять эту тему. Тебе нужно будет, кроме поступления в нефтегазовый институт, ещё закончить бизнес-школу.

– Папа, выслушай меня, пожалуйста, – я поднял руку, перебивая отца. – Прости, что не дал тебе договорить, но я твёрдо решил, что я буду поступать в академию полиции.

За столом воцарилось молчание, и мои родители смотрели на меня в полнейшем недоумении.

– Куда? – переспросил отец, думая, что он ошибся.

– Я хочу стать полицейским!

– А! – отец посмотрел на маму, и та быстро ретировалась к огромному антикварному буфету, где за сверкающими лакированными дверцами хранились запасы коньяка, чачи, виски. – Я думал, ты уже вырос из юношеских бредовых идей. Мы давно всё обсудили! – в голосе отца послышался металл.

– Да, но обстоятельства изменились. Теперь я хочу работать в полиции.

– То есть стать одним из винтиков жёсткой коррупционной машины? – пренебрежительно спросил отец.

Мы долго спорили, отец кричал на меня, мать заламывала руки, но я упорно стоял на своём. И вдруг всё разрешилось

странным способом, на помощь пришла моя четырнадцатилетняя сестра.

Асель была всеобщей любимицей. И если ко мне отец всегда был требователен и чересчур строго воспитывал, то в ней он души не чаял. Асель была почти полной копией мамы. То же ровное покрывало чёрных волос, сияющие жизнью глаза, полноватый овал лица и невысокий рост.

Асель подошла к отцу сзади, обняла его за голову, упёрлась подбородком в макушку и сказала, глядя на меня:

– Ты хорошо подумал и действительно хочешь работать в полиции?

– Да, Асель.

– Па-а-ап, – протянула она и, обойдя стол, присела с другой стороны, – я много думала и сейчас хочу сказать, что со временем я бы хотела стать твоей правой рукой в бизнесе, а потом возглавить его. Я уже начала посещать онлайн-курсы по бухгалтерии и финансам. Я попросила нашу школьную учительницу по математике давать мне дополнительные уроки, мне кажется это будет полезно. При этом со следующего года я буду дополнительно изучать немецкий язык. И также я узнала, что посещать бизнес-школу можно с шестнадцати лет, так что меньше чем через два года я начну туда ходить, а пока могу готовиться самостоятельно и с репетиторами.

Для моих родителей сегодняшний день стал поворотным. Они видели меня главой компании, а мою сестрёнку разве что невестой для какого-нибудь прекрасного молодого чело-

века. Асель никогда не проявляла особого рвения к учёбе, и вообще мы думали, что вряд ли знает название семейной компании. Но сегодняшний вечер заставил родителей по-новому взглянуть на своих детей. Сегодня всё изменилось!

Позже я зашёл к Асель, присел на стул и увидел, что сестрёнка сидит в кресле, читает книгу под названием «Деловая хватка». Она слушала музыку, болтала ногой и делала пометки цветными маркерами, рассыпанными возле неё.

– Спасибо. – проговорил я, не заметив, что Асель так погружена в книгу, что даже не замечает меня.

Я улыбнулся, тронул её за колено, сестрёнка вскинула удивлённый взгляд и сняла наушники.

– Чего? – спросила она.

– Спасибо. – ещё раз сказал я.

– Так даже лучше, – она намеренно скрывала радость. – Не будешь путаться у меня под ногами.

Я редко обращал на неё внимание, а сегодня она открылась для меня по-новому. Так странно было столько лет жить с ней под одной крышей и даже не замечать, чем она интересуется. Я понял, что даже редко заходил в её комнату. А здесь, если присмотреться, было уютно, стояли книги, которые я тоже любил читать, на приставке лежали игры-бродилки, от которых я был без ума и совсем неожиданным было, что она любит играть в футбол.

– Как ты так быстро выросла? – спросил я. – Раньше приносила домой одни тройки.

– Оценки не главное. Я думала, кем хочу быть и решила, что бизнес – это самое интересное. Да и знаешь, я в корне несогласна с системой образовательных программ. И потом, если я знаю, что мне не пригодится, например, музыка, то зачем зря тратить свои силы и зарабатывать хорошие оценки? Не хочу распылаться.

– Не знал, что ты любишь рубиться в футбол. – мне хотелось наверстать упущенное и заново подружиться с сестрой.

– Ты много обо мне не знаешь. – Она пожала плечами, надела наушники и погрузилась в чтение, давая понять, что аудиенция окончена.

Но когда я дошёл до двери, то вдруг услышал её голос:

– Заходи как-нибудь, я тебя сделаю хоть в футбол, хоть в гонки.

Я покивал и мне показалось, что сегодня между мной и Асель установилась прочная, нерушимая связь. Именно сегодня она стала моей сестрой, а не просто девочкой, живущей со мной в одном доме. Вдруг взгляд зацепился за фотографии, стоявшие на стеллаже у двери, и я невольно задержался.

Асель на снимке стояла в обнимку с девушкой-солнце. В отличие от моей коротенькой и пухлой сестрёнки девушка-солнце была высокой, статной, с гордо поднятой головой. Она имела все модельные данные и её часто звали на фотосессии, а однажды даже какой-то зарубежный агент специ-

ально приехал разговаривать с её родителями.

Но девушка-солнце не хотела и думать о какой-то другой карьере, кроме как посвятить свою жизнь служению медицине и людям.

Она хотела быть светом! А теперь её имя окутано тьмой. И я просто обязан стереть этот нагар с памяти о ней и обличить убийцу. Может быть тогда я стану спать по ночам и хоть немного отдохну от путешествий по воспоминаниям.

«Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть в тебя!» – она часто цитировала Ницше, и тогда я не понимал значения этих слов. Но сейчас точно знаю, что когда-то я заглянул через край своего рассудка и до сих пор смотрю в бездну своего горя, пытаюсь там рассмотреть черты своей любимой.

Как-то ночью я проснулся, словно слыша её голос. В памяти чётко выкристаллизовывались слова девушки-солнце: – Путь есть. А когда есть дорога, то по ней всегда можно вернуться. Главное – найти свет, чтобы он вывел на нужную тропу в тёмное время.

И сейчас я вспомнил, что она это сказала за неделю до своего исчезновения. Уже тогда она догадывалась, что за ней следят, но девушка-солнце не любила доставлять беспокойство окружающим. Она сказала об этом только мне и то слишком поздно.

Моя бессонница – это моя темница. Я просыпаюсь по ночам и думаю о своей возлюбленной. Однажды встретив свою

судьбу и любовь невозможно отменить эти чувства, даже если физически человек уже не с тобой, даже если ты его больше никогда не встретишь. Любовь бессмертна и только физическую оболочку может поддёрнуть тлен, а всё остальное живо.

Мне так жаль, что девушка-солнце не дожила до старости. Она ушла бы в своей постели, окружённая нашими детьми и внуками, а на её губах играла бы мягкая улыбка. Такая смерть подошла бы ей больше всего.

Девушка-солнце как-то сказала, что рядом с любовью всегда ходит грусть и скорбь. Почему-то после её слов во мне поселилось чувство тревоги, которое я гнал от себя. Я как сейчас помню, как она стояла у той треклятой реки, где её нашли. На ней был белый сарафан, подчёркивающий фигуру, и широкополая шляпа с чёрным бантом. Ноги её купались в траве, песке и земле, а она всё время задумчиво смотрела на воду. Это было последнее лето девушки-солнце. Мы выехали с семьями на пикник, и я наслаждался жарким днём, близостью возлюбленной и просто купался вместе с ней в потоке солнечного света.

– И почему эти чувства следуют за любовью? – спросил я.

– Потому что, принимая любовь, следует принять, что иногда проявляется вместе с ней. Это ведь палитра, спектр, это не единожды и дважды, это бесконечно... – загадочно произнесла она, смотря мне прямо в глаза исподлобья. – Если возлюбленный умрёт, второй будет его оплакивать, но да-

же так любовь будет жить вечно, и однажды они вновь встретятся. Круг жизни исправно движется в отправную точку и опять, и опять всё повторяется. Этот мир бинарен, стоит понять это и принимать как счастье, так и несчастье. Также с жизнью и смертью.

Только теперь я понимаю, что она имела в виду. Она всегда была мудрой, даже слишком мудрой для своего возраста.

Ночь подобралась к утреннему часу, стала таять лёгкой дымкой в рассветном мареве, и я стряхнул с себя воспоминания. Нужно было завтракать и отправляться на работу, ведь поступив в академию полиции, я получил возможность не только расследовать дело о смерти своей возлюбленной, у меня были и другие обязанности, дела, отчёты, планы и вся эта ненужная кутерьма.

И всё это время я был одержим мстью. Я хотел найти убийцу, но учёба заставила меня покинуть родной город. Как много раз я прокручивал в голове все пытки и изуверства, которым бы мог его подвергнуть. Я даже не знал, что внутри меня живёт ненасытный монстр, лютей зверь, который готов морить убийцу голодом, пытать его гнилую плоть, отрывать ему ногти, вырывать волосы. Я не доверю его закону! Я сам буду вершить правосудие.

И каждый раз, когда я вспоминаю её мёртвое лицо, жажда мести становится всё сильнее. Я не могу перестать думать о том, что с ней происходило в те двадцать восемь дней, когда она находилась в заточении. Ведь именно столько она

прожила, если рассчитать время от её исчезновения, до установленного судмедэкспертом времени смерти. Целых двадцать восемь дней, моя возлюбленная провела рядом со своим убийцей.

Конечно, мир и так не идеален. Каждый день мы сталкиваемся с равнодушием, коррупцией, несправедливостью, болью и смертью. Я вспоминаю дни последних школьных экзаменов. Одни дети получали высокие проходные баллы, другие низкие. Причём первые не обязательно были отличниками, просто за них попросили их родители, сопровождая свою просьбу щедрыми подарками. А у кого не было средств, у тех не было шансов запросто перепрыгнуть все барьеры системы образования и получить гранды на поступление в институт. Моя одноклассница хорошо училась, но из-за волнения получила более низкий бал, чем могла. Её родители были разочарованы, а она решила вопрос с плохими отметками по-своему... Она спрыгнула с десятого этажа, оставив после себя лишь записку: «Простите, что не оправдала ваших ожиданий. Я не могу больше терпеть. Мне больно. Хочу уйти на Небеса. Я познала истину». Она была единственным ребёнком, и её родители чуть не умерли с горя, жалея о словах, сказанных сгоряча дочери.

Тогда, узнав о её смерти, я не был потрясён. Для меня тогда не существовало ничего кроме собственного горя. Тогда я просто жил, ел, пил, сдавал экзамены, чтобы когда-нибудь отомстить. И чужая беда не могла помешать моим планам

или как-то эмоционально повлиять на них.

Но сейчас, возвращаясь в те времена, мне горько от того, что простые школьные экзамены превратились в своего рода рулетку, где на кону стояли жизнь и смерть. Сейчас, учась в академии, я почему-то в своих мыслях всё время прокручиваю сказанное той девочкой. В её записке так мало слов, но много боли. И о какой истине она говорила, перед тем как сделать шаг в свою бездну. Я хоть и не особо с ней общался и лишь изредка пересекался на уроках, но сейчас у меня не шёл из головы текст её записки.

И я наконец понял почему. Я ей завидовал. Она прыгнула в свою бездну. А мне ещё предстоит расквитаться с убийцей, и только потом я смогу обрести покой на дне своей бездны.

А когда я был на третьем курсе, моё ожидание закончилось. Он снова проявил себя.

Глава 4

/колесо сансары/

На этот раз была похищена шестнадцатилетняя девушка. По описанию она была очень похожа на мою возлюбленную. Скорее всего, такой женский тип он будет выбирать и дальше. А это значит, что в его действиях кроется личный мотив. И мне необходимо найти нулевую жертву, конечно, если ей не была девушка-солнце.

Я долго ждал этого момента, но сейчас мне было стыдно. Моё ожидание закончилось вместе с чьей-то жизнью! Меня пытали только мои воспоминания и чувство утраты, а новая

жертва была похищена и убита в реальности.

Почему он затаился на целых три года?! Этот вопрос не давал мне покоя. Хотя, как я узнал из курса обучения, такие преступники либо переезжают и творят свои тёмные дела в других областях и городах, либо его просто посадили за другое правонарушение. Да, да, маньяки тоже попадают на воровстве или мошенничестве.

Размышляя об этом убийце, я вспомнил дополнительные занятия, которые я посещал в академии. Однажды мы разбирали дело Джека Потрошителя. Этот серийный маньяк навёл ужас на весь Лондон в XIX веке. Но его так и не удалось найти. И даже сейчас учёные периодически открывают дела давно минувших дней и, собрав все улики, так и не могут с точностью сказать, кто же работал под личиной страшного убийцы. Но, с другой стороны, даже рассматривая дело через слои многолетней пыли, они нашли ниточки к трём подозреваемым! А ведь прошло так много времени.

Значит, и в деле девушки-солнце можно найти улики и следы и привлечь к ответу того, кто украл у неё жизнь. Он не призрак, не дух и не привидение, он человек, а значит, точно оставил следы. Сейчас, когда он снова вышел на тропу убийств, я знаю, что должен остановить его. Меня словно зовёт девушка-солнце встать на защиту тех, до кого он ещё не добрался. В какой-то момент у меня даже мелькнула мысль, что она принесла себя в жертву, чтобы именно я мог пресечь его расправу над невинными девушками. И хотя у меня впе-

реди ещё год учёбы, но за моими плечами багаж накопленных знаний, и я готов выйти на охоту!

На этот раз подробности дела были ужасающими. Эту заложницу убийца держал не так долго, но я даже порадовался, что он довольно быстро убил её, и в отличие от девушки-солнце, ей пришлось испытать немало боли.

Исходя из заключения судмедэкспертов было понятно, что эту пленницу убийца насильничал и бил. На теле были обнаружены свежие синяки, у неё было сломано несколько рёбер и было ясно, что он лишил её девственности. Но странно было то, что никаких следов самого преступника не было. Мне было непонятно, как, пребывая в таком близком контакте с девушкой, он не оставил отпечатков, волос, слюны или спермы. Убил он её, задушив верёвкой. Судя по следу борозды, напал сзади и не отпускал, пока она не затихла. Остальные обстоятельства её смерти напугали даже бывалых следователей, что уж говорить о нас, кадетах академии. У этой девушки были так же, как и у девушки-солнце, отрезаны волосы. А также у этой жертвы он изъясил сердце и зашил ей рот. Такие шокирующие новости не рассказывали по телевидению и не писали в газетах, с нас взяли подписки о неразглашении: люди не должны были пускать в свою жизнь такие страшные подробности.

Итак, преступник вернулся! И теперь он стал более агрессивен. Что же произошло с ним за эти три года? Если в память о девушке-солнце он оставил себе только отрезанные

волосы, то сейчас, кроме прядей, он вырвал сердце и зашил рот. Совсем непросто перейти от насилия и побоев к тому, чтобы вскрывать тело, резать плоть, пилить кости, протыкать иглой кожу. Его психическое здоровье явно деградировало и ухудшалось. И, если его не остановить, что же будет дальше?

А ещё судмедэксперты выяснили, что новая жертва голодала. Почему же он был так зол на неё? Эти мысли не давали мне покоя, и однажды я вдруг подумал, что, должно быть, разгадка кроется в его чувствах к девушке-солнце. Может быть, новую жертву он наказывал за то, что она просто похожа на девушку-солнце, но не она? Для меня связь этих двух чудовищных преступлений была очевидна, но следственная группа не торопилась их объединять.

Но если они не хотели признавать очевидное, то у меня были возможности для того, чтобы начать собственное расследование. В конце концов, документы кадета академии полиции и убедительная фраза «я пишу дипломную работу о возможности объединения разрозненных случаев насилия над лицами женского пола, схожими по общим внешним признакам» открывали мне многие двери. Ну а там, где к рвению студента относились скептически, я применял старый добрый метод финансовой стимуляции. Второе всегда работало на отлично!

Сначала я по возможности собрал наиболее полную информацию о новой жертве. Точнее, о её жизни до страшно-

го происшествия. Итак, исчезла она двадцать второго марта около семи часов вечера, девушка как раз возвращалась с курсов по рисованию. По сведениям её подруги, они попрощались возле дома. Убитая девушка жила в крайнем подъезде, в трёх парадных от подруги.

Чтобы упорядочить свои мысли, и не отвлекаться на эмоции, я стал давать девушкам номера. Кому-то это покажется слишком отстранённым и, наверное, даже жестоким, но я не мог поступить иначе, мне нужны были все мои силы, чтобы пройти по пути жертв и найти убийцу. А когда я начинал думать об именах этих девушек, то сразу перед глазами всплывали их жизни, и меня душил гнев, а это очень отвлекало от работы.

Следствию было известно, что в свой подъезд девушка №2, совершенно точно зашла – это видела её подруга и ещё несколько человек. Но вот в квартиру она так и не попала. Её родители были дома и как раз ждали девушку к ужину.

– Она в последнее время стала нервной, подозрительной. Даже кричала иногда во сне. – её мать плакала и прижимала к глазам платок. – У неё просто развилась странная паранойя. Мы еле-еле уговорили её ходить на курсы, – женщина рыдая уронила лицо в ладони.

– Если бы я только был более внимательным, – говорил бледный отец и смотрел перед собой отсутствующим взглядом, – я никак не мог ей поверить. Думал, что это девчачьи придумки или стресс.

Почему-то всегда страхи близких людей списываются на стресс, гормоны или ещё какую-то ерунду. Почему нам всем нужно дожидаться акта насилия, а уже потом стелать и заламывать руки?

Но возвращаясь к обстоятельствам, сопровождавшим исчезновение девушки № 2, я заметил, что она не села с соседями в лифт. Она осталась кого-то ждать. Значит, и она, и девушка-солнце точно знали убийцу: они ему доверяли. И ещё его появление не вызвало вопросов у окружающих. Он не был невидимкой, он просто хорошо прятался за знакомой остальным личиной.

Когда я разбирал свои записи, то обратил внимание на следующее. Я сделал пометку в своём блокноте, когда ходил на саадаку – так у нас называется година смерти. Тогда я пришёл на саадаку к той девушке, которая после неудачно сданных экзаменов прыгнула с десятого этажа.

Я остался наедине с её матерью, осведомился о самочувствии и хотел выразить свои соболезнования, пока все были в другой комнате. Но она посмотрела в то самое окно, откуда сделала последний шаг в своей жизни её дочка и сказала:

– Моя маленькая Айгуль, всегда была умничкой. Она много занималась, была старательной. – она взглянула на меня. – Айгуль хотела поступить на заочное отделение и потом быть учителем иностранных языков. Она хотела работать. Она была глубоко верующей девочкой и верила, что вся наша жизнь идёт по замыслу Аллаха. – женщина судорожно

вздохнула. – Верующий человек не убьёт себя. – она задумчиво пожала плечами. – Я читала её дневник. Всё, что я тебе сказала, написала она и это было сделано за день до официальных экзаменов. Она была полна жизни.

На плите призывно засвистел чайник, но ни я, ни она не пошевелились. Убитая горем мать, чья жизнь сломалась в тот день, когда её дочь перестала дышать, сейчас стояла рядом со мной и в мыслях бродила по развалинам своей жизни.

– Кейсар! – она вдруг остановила свой взгляд на моём лице. – Она не убивала себя. Я пыталась донести это до полиции, но меня никто не слушает. За два часа до её, – женщина утёрла слёзы, – до того, как она навсегда ушла, она писала мне смс, ей кто-то звонил и просил встретиться. Она говорила, что вернётся домой чуть позже. А пришла раньше нас с отцом и потом, – женщина осела на стул, стянула на груди чёрную ткань кофты и заплакала, – потом она просто выпрыгнула. Так не бывает. Кейсар, она всегда с теплом говорила о тебе.

Наконец на кухне появился мой друг Кирилл и мне удалось уйти. Я не мог больше находиться в одном пространстве с убитой горем матерью, мне казалось, что я пропитываюсь её болью.

Но с тех пор слова её матери не выходят у меня из головы. Нет, не про безответную любовь Айгуль ко мне. А именно про странную встречу и о том, что последовало за ней. Мои инстинкты обострились, я чувствовал, что здесь что-то

нечисто. Я помню, что тогда мы разговаривали между собой, и никто не помнил Айгуль встревоженной, подавленной или нервной. Причём ни до, ни после экзамена. Даже её лучшая подруга была в полном недоумении, она не могла поверить в произошедшее. На Айгуль не так сильно повлияли результаты экзамена, она была расстроена, но не настолько сильно. Она не плакала, не стонала, наоборот, в какой-то момент даже подбадривала тех, кто сдал на более низкий балл.

С тех пор в моей голове роились и множились вопросы. Что могло измениться? Кто за два часа мог довести её до самоубийства? Может быть, это тот самый человек, который убил девушку-солнце? И как ему удалось так повлиять на Айгуль, что девочка взобралась на подоконник и сделала шаг в пустоту!

Слишком много вопросов. И так мало ответов. И как один человек мог совершить такое? Не демон же он в конце концов. Но как у него получается манипулировать на расстоянии, а потом убивать, не оставляя улик. Какая-то омерзительная гениальность. Он убил уже троих или это только что знаю я? Но, похоже, на этом он останавливаться не собирается.

И может быть, он не бездействовал эти три года, а лишь оттачивал своё чудовищное мастерство. Кто он, убийца наслаждающийся зрелищем или кукловод, тешащий своё самолюбие и убивая людей на расстоянии?

/кукловод/

В следующий раз кукловод вышел на арену смерти в тот год, когда я завершал своё обучение.

Девушку № 3 он похитил в моём родном городе. Ей исполнилось двадцать один, она училась на инженера в университете. История её короткой жизни была крайне печальной. Нет, не так. Родилась и выросла она в полной семье, где с малых лет была окружена любовью родителей. Но потом её отец, стоявший у руля собственного бизнеса, видимо, потерял управление и разорился. Если верить слухам, то он недолго пытался возродить былые дни и начал лихорадочно продавать недвижимость, акции и ценные вещи, чтобы повернуть деньги и встать на ноги. Но когда потерял и эти средства, это подкосило его уверенность в свои силы, и он всё чаще стал прикладываться к бутылке. Жена сначала пыталась выправить ситуацию, уговаривала не пить и пойти на другую работу, но потом стала выпивать вместе с мужем, и так они докатились до полного разорения. Когда их дочери было тринадцать лет, отец нашёл случайный заработок: взял у друга машину и должен был перевезти некий груз из города в город. Выполнив заказ, он решил порадовать семью и вывез дочь и жену на пикник. Но к сожалению, там не обошлось без возлияний. На обратном пути отец не справился с управлением, и машина попала в аварию. Мужчина и женщина погибли на месте, девочка получила сотрясение мозга, перелом рёбер и правой руки. Хорошо, что у неё была

бабушка, которая взяла внучку сразу же на своё попечение. Но так как в семье не осталось никакого достатка, девушке пришлось с малых лет искать себе подработку. Но кому нужны на работе подростки?! Хотя в шестнадцать лет, через знакомых, она устроилась работать официанткой. И девочка усердно трудилась и училась. У неё был высокий проходной балл в школе, ей даже дали гранд для поступления в институт. А жизнь она закончила в мучениях и с верёвкой на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.